

Сказание о керженце

Это было в пору, когда на заброшенных славянских идолищах истлевали забытые деревянные боги-истуканы, а на смену им уже появлялись убогие церквушки на смолистых столбах с дубовым крестом на островерхом шатре. Суровый воин Чингиз еще не проскакал по Руси на своем страшном коне, сотрясая землю от края до края. Северные племена славян пахали и сеяли, охотились и рыбачили по соседству с племенами мордвы и черемис, разделенные только полосами бесплодной земли либо лесами и болотами. Тогда-то и родились такие русские приметы-пословицы: «С мордвой водиться грех, зато лучше всех!», «У черемис только онучки черные, а совесть белая!» Люди разных племен жили по-разному, имели разные обычаи и молились разным богам, но старались жить мирно, пока их князьков не одолевала корысть и зависть.

1

Жили между Волгой и Ветлугой прилежные труженики-хлеборобы. Охота, рыболовство да пчелки дикие от их рук тоже не отбивались. Сами пахали и сеяли, лен да жито выращивали, сами одежду и обувь мастерили. Старый скряга Ширмак тем племенем управлял и всему головой был. Слово его было законом неписанным, как Ширмак скажет, так оно и будет. И это не потому, что он был умнее всех, а своим богатством да упрямством осиливал.

А у охотника Черкана все богатство по лесу гуляло. Что луком да копьем в лесу добывал, тем и семью свою кормил, одевал. Жена охотницкая Кокшага да три дочки по дому хозяйничали — горох да кисель варили, лен пряли, холстину да онучи ткали — да еще успевали богатею Ширмаку в поле помогать. Потом маленький Чур в семье вдруг появился. По такому случаю да по обычаю надо было всех соседей за праздничным столом дичиной лесной досыта накормить. Вот и пошел Черкан в лес за добычей, но повстречал на тот раз медведя и себе и рогатине не по силам. Затрещала рукоять копья-рогатины под медвежьими лапами, и погиб тут охотник заодно со зверем.

Вдова Кокшага сама медведя свеживала и всех соседей на поминках по мужу тушеной медвежатиной накормила. Челюсти медвежьей в печи распарила, клыки из них подергала, до блеска очистила и в потайное место спрятала. А шкуру медвежьей выдубила, выскребла и мехом кверху на полу разостлала, чтобы малютке Чуру не холодно было зимой на полу на четвереньках ползать.

Но на удивление всем маленький Чур до наступления зимы научился через порог избы переползать и по задворкам ползать. Заберется в крапиву, в бурьян, исколется весь до красноты, а не плачет, только почесывается. Мать Кокшага и дивилась, и бранилась, и шлепками сына угощала, но дочкам наказывала:

— Смотрите за братцем, берегите, он один мужик растет на всю нашу семью! Без мужика в доме жить худо!

Пяти лет Чур с большими парнишками в лосиные косточки-бабки играл. Как нацелится костяной битой да ударит по кону, так и разлетятся из-под биты все бабки, как град, на удивление всем взрослым: «Ну и рука у парня! Ну и глаз!»

Пока сын подрастал, вдова Кокшага сама охотой промышляла, но не всегда удачно, поэтому бывали для семьи голодные дни. Тогда Чур уходил в соседний бор на ягодники, а за ним трусцой плелся черный, как уголь, щенок, тоже голодный. Два малыша уходили в лес с каждым разом все дальше, к нехоженным местам. Большие тяжелые птицы с белыми носами и красными бровями с шумом взлетали с брусничников и рассаживались на деревьях. Чур уже знал, что взрослые охотники добывают этих птиц стрелой из лука, особенно в пору, когда они так глупеют и глоснут от весенней радости, что можно достать и заколоть копьем. А самые хитрые его сородичи, такие, как скряга Ширмак, настораживают особые ловушки из тяжелых плах, которые придавливают птицу к земле. Только он, маленький Чур, пока не

знал, как добыть такую тяжелую, но осторожную птицу. И малыш, и молодой песик подолгу глядели на дичь, совсем забывая о голоде. Вдвоем они ходили по сосновым гривам и брусничникам, щенок принюхивался к птичьим следам-набродам, а мальчик с любопытством разглядывал места, где кормились эти птицы, клевали мелкие камешки и купались в пыльных ямках. И вот однажды, вернувшись из леса, Чур попросил сестер отрезать от своих кос по самой длинной пряди волос. Дивно это показалось дочкам Кокшаги, стали допытываться:

— Скажи, Чур, что ты задумал?

Но брат не выдавал своей придумки и настойчиво просил у сестер по пряди волос. Помогла мать Кокшага:

— Порадуйте братца, он что-то доброе задумал!

Когда сестры отрезали по пряди самых длинных волос, Чур сразу принялся за дело. За один вечер он свил дюжину тонких волосяных шнурков, а с утра ушел в лес. Он пропадал там целый день. А через три дня поутру сбежал в сосновый бор и принес двух темных птиц с белыми клювами и красными бровями, да таких тяжелых, что горбился под тяжестью ноши. Это было очень вовремя, семья голодала, потому что мать Кокшага давно ничего не добывала, работая на поле у скряги Ширмака, который не спешил с ней расплачиваться своим хлебом. Ободренный удачной охотой Чур догадался свить еще дюжину шнурков, но уже из конского волоса, и снова на целый день уходил в лес. И через каждые два-три дня приносил по тяжелой ноше больших краснобровых птиц. А мать радовалась, что растет удачливый сын.

Слава о добычливости маленького Чура разнеслась по всему племени. Старые охотники задумались, не из их ли западней Кокшагин парнишка достает дичь. А мальчик все бродил по своим потайным урочищам и каждый день возвращался с добычей. И вот как-то под вечер в избу Кокшаги пришел старый Ширмак. Пытливо разглядывая мальчика, спросил, как это он ухитряется ловить столько осторожной дичи, что приносит ее из леса целыми ношами? Чур был мал, но у него хватило ума ответить, как ответил бы взрослый:

— Да, мы теперь не голодаем. Походите за мной, поглядите, сами увидите!

Недоверчивые старики-охотники уже следили за Чуром, чаще обычного проверяя свои западни, но их ловушки никто другой не тревожил. Свои же силки-петли на дичь мальчик настораживал так неприметно, что их трудно было увидеть. Завистливый Ширмак дольше других старался разгадать искусство удачливого птицелова. Часто по вечерам он бродил по лесу, пытливо приглядываясь ко всему на своем пути. Один раз он запоздал, а сумерки были пасмурные и ветреные. Старику стало жутко одному в темном лесу, и подумал: «Все злые духи к ночи проснулись и сердятся, надо поспешать домой!»

Ширмак уже выбирался на знакомую тропинку, как вдруг его больно, до искорок в глазах ударило по переносице, дернуло за ногу, и он упал. Не один раз старик вскакивал, пытался бежать, но его дергало за ногу, и он опять падал. Наконец Ширмак как-то вырвался и что было силы побежал к дому. Не добегая до селения, он стал кричать и звать на помощь, а у своего дома упал и принялся стонать и охать. Долго он так притворялся и дурачился, и только когда собрались все соседи, рассказал, как в лесной чаще на него напал злой ночной дух, ударил по переносью дубинкой, схватил за ногу и пытался утащить за дерево. И не будь он, Ширмак, таким хитрым и ловким, не вырваться бы ему от коварного лесного врага!

Старик совсем расхвастался, и многие ему верили. Чур тоже был тут. Он разглядел на ноге старого враля обрывок волосяной петли и смекнул, что тот невзначай наступил на сторожок силка, деревце выпрямилось и ударило его по носу, а петлей захлестнуло за ногу. После того как Ширмак, притворно охая, уплеся в избу, люди тоже пошли по домам, рассуждая о том, что лесные духи знают, кого надо подогом стукнуть и за ноги подергать. И что не надо было этому скряге завидовать сиротской семье.

С того дня старые охотники перестали дознаваться, как Кокшагин малыш добывает дичь. А маленький Чур, как умел, помогал матери в охотничьем промысле, и это было очень кстати, потому что Кокшага часто недомогала от старости. Так прошло сколько-то лет, и

вот, когда Чуру минуло тринадцать годков и ему под силу стало носить отцовский лук и копье, Кокшага повесила ему на шею медвежий клык на шнурке — для удачи и счастья и отпустила на промысел.

Была глубокая осень, звери и птицы уже оделись по-зимнему и стали осторожными, поэтому Чур отправился на далекую Дикую реку, в крепи багряных дубняков и сонных хвойных боров, в край непуганых диких животных. Много дней охотился Чур на той Дикой реке, ночуя у костра под крутыми берегами. Раньше, на охоте вокруг дома он пользовался самодельным луком, поэтому отцовское оружие ему казалось поначалу тяжелым. Чтобы пустить стрелу, он опирался концом лука в землю и стрелял с колена, а колоть копьем смог только обеими руками. Но скоро он привык, и потом, когда вернулся домой, его маленький лук показался игрушкой.

Умение делать луки и самоловы и здесь, на Дикой реке, пригодилось Чуру. В первые же дни охоты он насторожил на звериных тропах лучки-самострелы и западни-самоловы с приманками, а сам бродил по окрестным лесам, выслеживая и стреляя зверьков, которых находил и облаивал верный Уголек, теперь уже взрослый пес, но по-прежнему черный как уголь. Дикая река с каждым днем становилась для Чура роднее, место ночлега у костра в глинистом крутояре стало обжитым домом, а лесные урочища, речные берега и песчаные радовали тишиной и безлюдьем. Ни голоса, ни следа человеческого. Он засыпал под ночной шепот леса и тихий ропот речной струи, а просыпался от утреннего мороза, звона первых льдинок, от гомона запоздавших перелетных птиц. Питался Чур свежей дичиной, поджаренной на костре, и только изредка доставал из мешка хлебный сухарь либо колобок. Умный и верный Уголек надежно помогал ему в охоте, а по ночам чутко дремал у костра, изредка поднимая голову и глухо рыча в сторону подозрительных шорохов, чтобы хозяин не чувствовал себя одиноким.

Чур вернулся домой уже по снегу, изголодавшийся по хлебу, усталый, но здоровый и сильный, с полным мешком дорогих звериных шкурок. Мать Кокшага встретила его с удивлением и радостью:

— Вот как помог тебе медвежий клык! Видно, не напрасно я над ним пошептала!

Она сняла с плеч сына мешок и вытряхнула добычу на пол, чтоб полюбоваться. Вслед за мехами из мешка выпал плоский треугольный камень величиной с гусиную лапу, с дыркой в одном округлом уголке. Чур поднял его, подал матери:

— Посмотри, мать, какую диковинку нашел я на песках Дикой реки!

Пока сестры любовались куньими и собольими шкурками, мать Кокшага внимательно разглядывала камень. Это был кремневый скребок, орудие ее пращуров. Долго и упорно, до изнурения и пота трудился человек, чтобы из камня сделать острый и удобный для работы скребок. Не одну ночь при неровном свете костра он склонялся над работой, тер камень о камень, шлифовал его до блеска о жесткую звериную шкуру, протирал концами своих длинных волос.

— На этом камне есть рисунки! — воскликнула Кокшага. — Вот лисица с пышным хвостом, а здесь, на другой стороне, женщина с длинными волосами. Наверное, это сама хозяйка скребка. Она выскабливала им шкуры зверей, снимала бересту для кровли, разрезала мясо, потрошила дичь и рыбу. Вот ведь как ловко, камень так и липнет к руке!

При этом мать Кокшага очень живо показывала, как умело действовала скребком та неведомая хозяйка кремня. Потом она отвернулась в самый темный угол хижины, пошептала над скребком, поплевала и подула в разные стороны и подвесила его на шею сына, рядом с медвежьим клыком.

— Носи этот камень с изображением лисицы и женщины. Думается мне, что женщина — хозяйка всей Дикой реки и всех диковинных камней, что там есть. Она принесет тебе удачу и в охоте, и во всяком другом деле!

В тот же вечер Кокшага отнесла все добытые сыном меха богатей Ширмаку, чтобы расплатиться с ним за старые долги. Хитрый старик сразу подобрел и посулил и впредь давать хлеба под будущую добычу. Кокшага чуть осмелела, похвалила Ширмакову дочку

Рутку и намекнула, что с радостью пустила бы такую расторопную красотку в свой дом, когда ее дочки выпорхнут из родного гнезда и оставят ее одну с сыном. На это ничего не сказал ни сам Ширмак, ни его старуха. Тогда Кокшага откланялась и ушла.

Пока мать отлучалась, Чур отдыхал у горячего очага. Слова матери о хозяйке Дикой реки не выходили из его головы. Он снял с шеи шнурок с медвежьим клыком и скребком и долго разглядывал рисунки, высеченные на камне. Ему даже казалось, что на скребке остались следы пальцев хозяйки, а на ее шее изображено ожерелье. Контурсы лисицы были неясны, но головка ее выглядела как живая. Наконец, когда женщина начала улыбаться и расплываться, а лисица принялась заметать хвостом свои следы, Чур крепко заснул со скребком в руке и опять видел хозяйку Дикой реки. Она шла по колени в воде вверх по реке, одетая только в юбочку из звериной шкуры, а ее длинные волосы прядями лежали на загорелых плечах. Женщина шла быстро, пересекая реку на перекатах, изредка оглядывалась и манила Чура за собой. Длинные тени деревьев падали на воду, в реке дрожало солнце, а крутые берега краснели рябиной и первыми багряными листьями.

Утром Чур рассказал матери о том, что видел во сне.

— Разве не говорила я, что она принесет тебе счастье? Но не торопись, Чур, впереди зима. Ты говоришь, что видел ее идущей вверх по реке, а по берегам краснела рябина? Значит, надо идти в конце будущего лета. А рыбу в реке ты видел? Это хорошо, что не видел, рыба во сне — к худому!

Этой зимой Чур охотился по ближним лесным урочищам и речкам. Бродил за Угольком по куньим следам, обухом топора стучал по дуплистым деревьям и, когда потревоженный зверок, покидая теплое гайно, замирал на самое короткое время на ветке, чтобы оценить опасность, Чур успевал его сбить меткой стрелой. В конце зимы ходил по сугробам на лыжах за сохатыми, ночуя там, где застанет ночь, и наконец закалывал утомленного зверя копьём под неистовый лай собаки. И с каждым днем охоты Чур наливался удалью и силой, ловкость его родила удачу за удачей к тихой радости Кокшаги:

— Это она, хозяйка Дикой реки, и ее скребок помогают тебе в добыче, посылают удачу и счастье. И как хорошо, что я догадалась повесить тебе на шею медвежий клык для отворота злых духов и всяких напастей!

Сыну очень хотелось сказать, что носить на шнуре у голой груди каменный скребок и медвежий зуб не очень-то приятно. В мороз от них холодно, а на охоте, когда надо бесшумно подходить к зверю, приходится придерживать амулет рукой, чтобы камень и клык не стучали друг о друга. Но он промолчал, чтобы не огорчать Кокшагу. Вот так и прожила осиротевшая семья зверобоя Черкана до той весны, когда Чуру перевалило за четырнадцать лет, а сестры повзросли и на них уже начали заглядываться парни. Но Рутка, дочь Ширмака, была самой милостивой и смелой девушкой в племени. И не зря вдова Кокшага таила думку о ней: «Вот как поразбегутся дочки в разные стороны, научу Чура, чтобы Ширмакову дочку в хозяйки и помощницы позвал. А мне, старой вороне, и на покой пора!»

2

В середине лета, когда поспела в лесу всякая ягода, а пчелиные соты наполнились медом, началась у медведей бродячая пора, шальная и драчливая. Одна буйная медведица повадилась в селение заходить, страх на людей наводить. Старых и малых по избам загоняла, ловко от собак обороняясь, по селению хозяйкой бродила. И не успевали люди за топоры да рогатины взяться, как она в лесу пропадала. Всем понятно стало, что дело худо кончится, примется озорной зверь за людей да скотину.

Первой в лапы медведицы попала корова богатея Ширмака. Разгневался старик, не столько на зверя, сколь на незадачливых следопытов:

— Видно, не стало в нашем племени смелых охотников, чтобы встретиться с медведицей! Теперь она, крови отведавши, за людей примется!

И принялась бы, но не успела. Пока Чур оттачивал отцовское копьё-рогатину, Кокшага кожаный мешочек сшила, скребок да медвежий клык в него положила и на грудь сына повесила, бормоча слова непонятные против злых духов и оборотней. Потом в раздумье посидела, пригорюнившись. «Сын молод и неопытен, хватит ли силенки, чтобы сразить копьём медведицу?» Пошла в сени, достала из угла железину, на пятиконечный якорек похожую, очистила ее от ржавчины и сыну подала.

— Это придумка моего отца, твоего дедушки. С этой распоркой он на любого медведя смело ходил. Только надо уметь зверя на дыбы поднять и толкнуть ему в пасть эту железину. Как схватит он ее в ярости, так не выплюнет! А хозяйка Дикой реки в смелом деле тебя не забудет!

По совету матери Чур обернул коварную распорку ветхим тряпьем, взял копьё да лук охотничий и отправился ждать медведицу. Вот спряталось на ночь солнышко, и пришла крадучись к зарезанной корове косолапая гостья, есть-пировать, пир довершать. Тут Чур из засады в медведицу стрелу метнул и во весь рост поднялся, чтобы видел зверь, кто ему боль причинил. И пошел навстречу ревушей медведице с копьём-рогатиной в правой руке, а в левой коварная железина.

Редко бывает добрым дикий зверь медведь, а тут, со стрелой в боку, совсем в ярость ударился, заревел и на дыбы поднялся. Не испугался Чур и ловко всунул острую распорку в пасть медведицы. Как сундук, захлопнулись ее челюсти. Поздно поняла косолапая, что не за руку цапнула охотника. Тут острая рогатина ей под ребра впиалась и достала до самого медвежьего сердца.

С восходом солнышка Чур принялся за свежевание заколотой медведицы, а Кокшага высвободила из пасти зверя распорку, промыла ее, насухо протерла и спрятала до поры до времени. Поглядеть, как Чур снимает шкуру со страшного зверя, собрались и старые и малые. Только скряга Ширмак сидел дома, словно в селении ничего не случилось. Зато его жена Ширмачиха шепнула дочке:

— В когтях шалой медведицы большая приворотная сила! Иди, Рутка, выпроси у этого парня коготок медведицы!

Вот прибежала девушка, протиснувшись сквозь народ, обступивший охотника, выбрала время и тихонько сказала:

— Послушай, Чур, не подаришь ли мне один коготок, хотя бы с медвежьего мизинчика?

В ответ улыбнулся Чур:

— А на что тебе, Рут, коготок с мизинчика? Я дам тебе по самому большому когтю с каждой лапы!

Когда радостная Рутка прибежала домой, мать Ширмачиха три когтя спрятала в лубяную укладку, а над четвертым долго шептала наговоры и заклинания. Потом подала дочке с таким наставлением:

— Береги, не теряй! Как полюбится умный да пригожий парень, шепни ему поласковее, а коготком за одежду поближе к сердцу задень. Навек присушишь паренька!

Рутка надежно спрятала медвежий коготок в рукав и каждый день думала, кого бы тронуть коготком. Из всех парней девушке больше всех по сердцу был Чур, но ей казалось, что он и без приворота от нее не уйдет. К тому же она знала, что этот сирота хотя и прославил себя смекалкой и смелостью, но чем-то не нравился ее родителям. Но испытать приворотную силу коготка Рутке не терпелось. И вот при встрече с парнем она подходила к нему поближе, шептала на ухо ласковое слово и незаметно задевала медвежьим коготком поближе к сердцу. Так перебрала она многих парней, и каждому из них думалось, что только ему девушка пошептала на ухо такое хорошее и заманчивое. И каждый спешил поскорее вновь ее увидеть.

Как грачи на иву, слетались парни к дому богатея Ширмака. Каждый думал, что только с ним была привлеклива девушка, все наперебой похвалялись удальёю и силой, совсем одурели и делали разные глупости. Но Рутка парням была уже не рада и сердилась, что

среди них не было охотника Чура. И вот, как-то встретившись с ним, она шепнула ему что-то ласковое, но непонятное, погладила левой ручкой по щеке и незаметно задела медвежьим коготком против сердца. Она ведь не знала, что Чур носит на груди амулет-скребок, подарок хозяйки Дикой реки, и совсем не заметила, как коготок наткнулся на что-то твердое. Может быть, поэтому приворотная сила тут не подействовала, и она так и не дождалась Чура на свое крыльцо.

Рассердилась и расстроилась Рутка. «Этот нелюдим Чур только и знает пропадать в лесу. Ну и пусть! Было бы на то мое желание, вот задену коготком поглубже, тогда придет и будет день и ночь сидеть на моем крыльце, как пугало воронье!» Так, гневаясь на Чура, девчонка разогнала всех парней и посулила облить помоями из поганого ведра того, кто появится на ее крыльце.

А лето быстро, как на колесах, катилось к осени. Уже взматерели молодые тяжелые тетерева и храбро шли в западни. Притихли, отъедаясь к зиме, медведи. Забеспокоился, забегал по урочищам сохатый олень-лось в непонятной тревоге безрассудной поры. Люди убрали с полей хлеб и ссыпали в бревенчатые житницы. Домашний скот еще гулял по воле, но не уходил далеко, прижимался к селению. В эту пору спелой рябины и морозных утренников в сердце Чура поселилась тревожная радость, манившая его оставить дом и спешить в нехоженые лесные крепи на Дикой реке. И когда он заговорил об этом с Кокшагой, она согласно кивнула головой и помогла сыну собраться в далекий путь.

Неприметными звериными тропами, обходя топи, гари и болота, Чур вышел к устью Дикой реки, к тому месту, где она вливалась в другую реку, широкую и полноводную, с крутым берегом в туманной дали. Здесь, при слиянии двух потоков, он посидел на песчаном холме среди старых приземистых сосен. Этот недолгий отдых у водных просторов, неоглядная даль безлюдной реки укрепили в нем дух следопыта и стремление идти и идти, увидеть невиданное, найти неведомое. Чур поднялся и пошел в сторону мокрых ветров, откуда приходила ненастная и холодная погода. Вверх по Дикой реке. Чур шел то правым, то левым берегом, пересекая реку вброд на мелких перекатах. Впереди него бежал храбрый пес Уголек, а кремневый скребок и медвежий клык в кожаном мешочке под одеждой у самого сердца мерно стучали друг о друга в такт его спорым шагам.

Местами берега были так круты и обрывисты, что надо было идти кромкой воды, опасливо поглядывая вверх, на нависшие над рекой подмытые деревья и глыбы земли. Совсем безлюдная Дикая река жила своей жизнью. С берега на берег перелетали доверчивые кулички. Большие хищные рыбы таились у самого берега, подстерегал добычу, и, потревоженные шагами охотника, с плеском скрывались в глубину. Огромные серебристые рыбы с темной спиной стадами поднимались из глубокого плеса и, лениво шевеля плавниками, дремали под солнцем. К осени вода в реке стала совсем прозрачной, и в глубине можно было разглядеть табуны широких горбатых рыб, а ниже, у самого дна, призрачно извивались длинноносые осетры и стерляди с частыми горбинками на спине. Чур знал, что они жирны и вкусны, а вместо костей у них только хрящ, и он добыл одну себе на ужин метким броском копья. Потом выбрал место для ночлега и развел огонь.

Черный и блестящий, как ворон, Уголек дремал за спиной хозяина, глухо рыча, когда кто-то нарушал покой Дикой реки. Вот сверху по течению вдруг накатилась волна, зашуршала, во мраке, лизнула песчаный пологий берег. Это косолапый хозяин — медведь вплавь перебрался на другой берег своих владений. Слышно было, как он отряхивался от воды и, шлепая лапами, побрел по мелководью. Чуть пониже, за излучиной, целая семья сохатых шумно спустилась с крутояра, вброд перешла реку и удалилась, щелкая копытами. Усатый сом, водяной ночной разбойник с жуткими змеиными глазами, разгуливал по плесу, выбирая себе добычу. В страхе мечется рыбная молодежь, выскакивает из воды и падает серебряным дождем. Вот филин молча пролетает низко над берегом и пропадает во тьме. Только по писку потревоженных птиц можно догадаться, куда он направился.

Чур лежал у костра с луком за спиной, обнимая руками копьё, и сквозь дремоту грезил будущим днем. Завтра к вечеру он доберется до той излучины, где охотился прошлой

осенью и нашел кремневый скребок хозяйки Дикой реки. Там, в крутом берегу, он выкопает себе землянку для будущей осенней и зимней охоты, запасет дрова для очага, заранее подготовит западни на пушных зверьков. Да постарается добыть оленя и навялить мяса и для себя, и для собаки, и для приманки, чтобы потом напрасно время не терять, в короткие зимние дни, а только охотиться. Потом он уйдет домой до той поры, как по-зимнему оденутся пушные звери. С этой думой он заснул.

Перед рассветом ему приснилась хозяйка Дикой реки. Она шла вверх по реке, изредка оглядываясь, и рукой манила его за собой. Низкое вечернее солнце заливало обрывистые берега, купалось в реке и слепило Чуру глаза. Вот она вброд перешла перекат, еще раз оглянулась и махнула рукой. Но Чур не видел, куда пропала женщина. Помешала эта солнечная полоса на реке. Она и разбудила его. Утреннее солнышко, играя с рекой, будило и бодрило все живое.

До полудня Чур прошел все знакомые урочища Дикой реки — отмели, излучины и крутояры. Вот и обжитый берег при впадении в Дикую реку небольшой речки. Здесь он прошлой осенью не одну ночь провел у костра. А вот у этого обрыва в песке у самой воды попался ему на глаза каменный скребок. Теперь он оглядывал берег, выбирая место для жилища-зимницы. Речной берег здесь был словно обрезан, весенняя вода подточила его и сделала почти отвесным. Вверху различался нетолстый слой песка, пониже — мощный пласт зеленоватой глины с серыми и темными прожилками, а ниже опять были напластованы желтые, красные и белые пески. По верхнему песку и глине проходила, перемежаясь, тонкая лента сероватой земли, а местами она была черной как уголь. Камней не было, только из одного серого пятна торчал небольшой серо-зеленый камень. Чур тронул его копьём, и он свалился к ногам. Это был каменный топорик с круглым отверстием для рукоятки. Рукоять сгнила, камень остался.

Какое-то время Чур постоял в раздумье. «Вот здесь я и выкопаю себе жилье. Это хорошо, что тут глина, она не обсыпается!» Потом сложил на берегу сумку и оружие, вытесал из сухого дуба острую лопатку и начал вкапываться в стену берега. До темноты он успел выкопать столько, что можно было ночевать не под открытым небом. Чур перенес в пещеру свои пожитки, развел внизу у входа огонь и заснул в обнимку с отцовским копьём-рогатинной. Уголек свернулся клубком у костра и чутко оберегал новое жилье хозяина. А с рассветом Чур снова работал топором и лопатой. Чтобы потолок землянки был надежен и не обрушивался, он сделал его острым сводом, не подрубая древесных корней. А в стене у входа выкопал очаг-печурку со сквозным выходом для дыма.

Потом Чур сколько-то дней бродил по лесным угольям, припасая западни для зверей, а на малой речке, что впадала в Дикую реку, заплел ивовую загородку и прутьяные самоловы для рыб. После того он добыл оленя, нажарил свежинки для себя и собаки, а остатки развесил провялить на солнце. Ему уже оставалось только собраться в обратный путь, как надумал расширить свое земляное жилье и сделать в стене нишу с лежанкой. И начал снова работать. Вверху стена имела рыхлый серый прослой, и надо было его убрать, чтобы добраться до глины. «Далеко ли тут глина?» — с досадой подумал Чур и глубоко ударил лопатой. И вслед за ударом что-то как град посыпалось ему под ноги. Склонясь, он долго разглядывал то, что вывалилось из стены. Потом глянул вверх: не из укладки ли кто вытряхнул столько разноцветных камней, костяшек, колец и разных мелких красивых вещишек?

Камешки разной формы и цвета — красные, зеленые, голубые. Бусины рассыпавшегося ожерелья, цветом, как жидкий мед с поздних цветов. Были тут браслеты, и кольца, и серьги камешковые и костяные. Каменная ступка откатилась к стенке, костяной гребень прятался под грудой бусин, кремневый нож и костяные иглы лежали отдельной семьей. «Это сокровища хозяйки Дикой реки. Среди них не хватает только скребка, что висит у меня на груди!» Так подумалось Чуру.

В эту ночь Чур трудно засыпал. По молодости, по своему уму и сметливости он совсем не был суеверным, подобно пожилым людям его племени. Ему не слышалось ничего зловещего в хохоте совы, летающей над рекой, завывание ветра в дупле дерева не казалось песней злых духов, а огненно-рыжая белка, перебежавшая дорогу, не служила недоброй приметой. Страх перед всем непонятным покорялся его уму и смелости. Он был молод и не успел еще поверить ни в богов, ни в духов, не боялся колдовских чар, не надеялся на помощь ворожбы. Зато верил, что черный пес Уголек не пустит в его землянку ни зверя, ни злого духа. А если который из них и покажется у входа, то вот оно, отцовское копьё, что бьет без промаха.

Но Чур верил своей матери Кокшаге, в ее охотничьи приметы и поверья. А теперь еще поверил, что вот здесь, на берегу при слиянии двух рек, жила со своим племенем женщина, хозяйка всех этих украшений и кремневого скребка, который мать Кокшага повесила ему на грудь для счастья, против всякого зла и хворобы. В очаге догорали головни, освещая землянку неровным прыгающим светом. Тревога и радость уступили место грезам, и Чур крепко уснул.

...Эта женщина никуда не спешила и не звала Чура за собой. Она сидела у огня, обхватив руками колени и, покачиваясь, тихо напевала песню. Ее странная одежда была перехвачена узорным поясом, на нем висели кривой нож в расшитом чехле, костяной гребень и маленький мешочек из цветной кожи. Три ожерелья разных цветов, обнимая ее шею, сползали на грудь, на руках повыше кистей зеленоватые браслеты-запястья, а в ушах сережки из продолговатых ярких камней. А длинные волосы, заплетенные в косы, спускались по смуглым плечам до земли. Слова песни были непонятны, но напев ее, то жуткий, то нежный, будил неодолимое желание понять, о чем поет эта хозяйка Дикой реки. И от этого желания Чур проснулся.

В землянку уже глядело утро. Чур собрал свои пожитки, загородил вход в жилье еловыми ветками и оставил его до холодной охотничьей поры. Он шел к дому уже не берегом реки, а ближайшим путем, прямо на восход солнышка, и к вечеру второго дня был в родном селении. Всплеснула руками Кокшага, глазам своим не поверила, а дочки оторопели от радости, когда Чур высыпал на пол сокровища своей кожаной сумки.

— Вот, смотрите, как наградила меня хозяйка Дикой реки!

Шустрые сестры сразу разглядели, что за сокровища высыпались из сумки охотника:

— Ах, да тут есть и кержи! И сколько их разных, красивых! А какие кольца и запястья!

Девушки проворно повыкидали из ушей самодельные сережки-кержи из куньих и медвежьих зубов и выбрали себе из вороха с Дикой реки. Новые сережки сделали их лица милевиднее, а на щеках от камней разгорелся румянец. Потом сестры собрали из бусин по ожерелью. И сразу их шейки стали полнее и белее, кожа на них свежее и нежнее. Когда же они надели запястья и кольца, их натруженные руки стали красивыми и мягкими. И радовалась, глядя на них, матка Кокшага:

— Это хозяйка Дикой реки делает моих дочек красивыми и счастливыми! Чудится мне, что не забудет она и сына!

Для себя Кокшага выбрала из всего добра только костяной гребень. Да собрала на шнурок ожерелье из бусинок цветом позднего меда, а к ожерелью подобрала еще коржи-сережки. И все припрятала для той, которая придет жить в ее избу, когда дочки разлетятся за мужьями в разные стороны.

С того дня как сестры охотника Чура стали самыми нарядными девушками и только на них стали заглядываться парни, кончилась приятная жизнь для скряги Ширмака. Старая Ширмачиха без отдыха упрекала мужа с утра до вечера:

— Долго ли будет так, что дочки вдовы Кокшаги будут наряднее и моднее нашей Рутки? Это ты во всем виноват! Не сумел вовремя приветить парня, который оказался гораздо смысленнее и смелее иного старого хвастуна! Иди-ка взгляни, сколько разного добра принес с Дикой реки сын Кокшаги, от которого ты, старая спесь, отворачивался. Вот

увидишь, он еще нарядит в дорогие кержи и бусы всех девчонок племени, кроме нашей дочки!

И вот, наслушавшись перепалки между отцом и матерью, Рутка решила встретиться с Чуром. Как-то под вечер она пришла к жилью Кокшаги и, дождавшись, когда Чур возвращался из леса, подошла к нему и шепнула:

— А что, Чур, не подаришь ли ты мне кержи, какие носят твои сестры? Не отказалась бы я и от ожерелья!

И незаметно задела его медвежьим коготком за одежду поближе к сердцу. И Чур сразу подобрел. Он взял девушку за руку, привел в избу и сказал матери, чтобы показала Рутке все сережки и бусы, кольца и браслеты. И сам помогал девушке подбирать бусины для ожерелья, примерять к ушкам кержи. Рутка вернулась домой довольная и счастливая.

Скоро все девушки разузнали о находке Чура и повадились ходить к дому Кокшаги за корзинами и колечками. И ни разу, даже на самое малое время, не задумывалась старуха о том, не отказать ли неведомо чьей дочке в подарке и радости. Не только девчонки, молодайки-бабы и те стали форсить в невиданных украшениях.

Приближалась зима. Чур каждый день пропадал в лесу, запасая дичь и мед для семьи, чтобы с наступлением холодов уйти на дальний промысел и без заботы о доме там жить и добывать дорогие звериные меха. Как-то на досуге Кокшага навестила семью Ширмака и там, разговорившись, сказала:

— Боюсь, что скоро мои дочки уйдут за мужьями, их уже выбрали хорошие парни. А сын надолго пропадает в лесу. А я стара, и мне трудно будет одной в зимнюю пору. Не отдадут ли они свою Рутку жить в ее доме?

На это хотела ответить мать Рутки, но старик перебил:

— А зачем твой сын нарядил в дорогие бусы и кержи всех девчонок без разбора? Теперь любая девчонка и бабенка носят в ушах кержи не хуже, чем у нашей дочки. Вот и зови в свою избу из них любую. Твой сын простофиля. Вот когда он будет хитрее, тогда наша дочь придет тебе помогать!

Старый Ширмак до того расхотелся, что бранился как попало. Гневался на то, что счастье слепо и балует не тех, кого бы следовало, что всех девок радовать — на то ума не надо, не зря пословица есть: «Курчонку не накормишь, девчонку не нарядишь!» Если бы сын Кокшаги вовремя посоветовался с ним, Ширмаком, то стал бы самым богатым человеком!

Вернувшись домой, Кокшага поведала обо всем сыну. В ответ Чур усмехнулся: — Не огорчайся, мать! Ведь ты сама говорила, что хозяйка Дикой реки не оставит нас. И кажется мне, что я не смогу быть хитрее. Припаси сухарей, скоро пойду на промысел.

В одну месячную ночь, пока Чур спал перед походом, Кокшага заботливо уложила в заплечный мешок сухари, легкую, но теплую зимнюю одежду, а в кожаную сумку, которую сын носил на ремне через плечо, положила топорик, разные мелкие охотничьи снасти и запасное огниво. В то утро Чур проснулся рано, и пока спали сестры, бесшумно собрался в дорогу. За порогом избы ждала Кокшага. На прощанье она вновь пошептала над мешочком с медвежьим клыком и скребком, призывая всех добрых духов и днем и ночью безотказно служить ее сыну.

Знакомыми тропинками с луком и колчаном за спиной, с копьём-рогатиной в правой руке Чур спешил на промысел к Дикой реке. И все деревья под утренним ветром кланялись ему вершинами. Чуткий Уголек бежал впереди, загоняя на деревья тяжелых взматеревших птиц и проворных зверьков с пушистым хвостом и кисточками на ушах. Старые белки были уже одеты по-зимнему, а молодые только начинали голубеть со спины. Рыжими бочками, как огоньками, мелькали они по деревьям и дразнили охотника урчаньем и цоканьем: чур-р-р, чур-р-р, чка-чка-чка! Наклевавшись спелых желудей, хрипели нарядные сойки, синицы пинькали и тенькали на все лады, приветливо и смело: пинь-пинь, тарарах! пинь-пинь, тарарах! И радостно было Чуру забираться все дальше в лесную нехоженую глухомань, слушая редкие голоса осеннего леса.

На другой день он добрался до земляного жилья в крутом берегу Дикой реки. Сухой сентябрьский ветерок, забираясь в дверь и вылетая в трубу очага, хорошо просушил землянку. Стены и потолок стали светлее, стойки и подпорки высохли, а трава и древесные ветки на лежанке источали нежный запах увядания и прошедшего лета. В тот вечер ветер дул с верховья реки, а закат был бледный и зеленоватый. Приметы обещали холода, поэтому Чур развел в очаге жаркий огонь, чтобы прогреть землянку, и, когда дрова прогорели, заснул без заботы.

Первые три дня Чур ходил по своим охотничьим владениям, проверяя исправность западней и самострелов на пушных зверей и настораживая силки на боровую дичь. И каждый вечер, возвратившись в землянку, разводил в очаге огонь, чтобы в жилье было тепло и сухо. После крепких ночных заморозков и ледяных закраин на реке, нашла полоса тихой пасмурной погоды, с утренними густыми туманами. Одним таким утром Чура поманило пойти вверх по Дикой реке, пройти по нехоженным ее берегам и урочищам, узнать и увидеть новое. Он взял с собой только оружие да кожаную сумку и пошел вверх по реке с верным псом впереди.

Чур шел без отдыха целый день, ночевал у костра и опять шел и шел под пасмурным осенним небом. А Дикая река в награду ему каждый час открывала новые нехоженные урочища, крутояры, излучины, устья малых речек, песчаные отмели и глинистые обрывы. Только следы диких зверей и птиц радовали его до той поры, как на речном песке заметил след человека. Еще в детстве от матери Чур слышал, что в далеких верховьях Дикой реки живут люди иного племени, совсем другие по росту, по речи и по обычаям. Приглядываясь к следам, он заметил, что походка была мелкая, а следок небольшой, короткий. «Это девушка!» — подумал Чур и пошел ее следом. Сметливый пес, по знаку хозяина, послушно, шел позади.

Влажный мох хорошо сохранял следы, отдельные примятые моховинки нехотя выпрямлялись, как живые. И вот среди моховых кочек, усыпанных спелыми ягодами, Чур увидел ее, ягодницу. Он знал, как приятно поесть таких ягод зимним вечером после ужина. Мать Кокшага и все женщины его племени тоже запасали этих ягод на зиму еще потому, что они помогают от угара, а если поесть их с горячим медом, то вылечивают от простуды и кашля.

Чур подкрался к девушке совсем неслышно. Стоя в трех шагах за ее спиной, он видел, как проворно работала она обеими руками, наполняя берестяную набирушку спелыми темно-красными ягодами, а поодаль стоял уже полный лубяной кузов. Чтобы не испугать девушку, Чур осторожно, чуть-чуть тронул ее плечо рукояткой копья. Она обернулась, удивилась, но не заголосила на весь лес от страха, а зачуралась негромко, как от лешего, духа лесного:

— Ох, чур меня, чур меня!

И сидела на холмике, не сводя с пришельца больших синих глаз. А Чур не поверил своим ушам. Не почудилось ли ему, что девушка дважды назвала его по имени? Это было неожиданным и непонятным. Но он улыбнулся ей и кивнул головой:

— Да, я охотник Чур, сын Черкана и Кокшаги. А ты чья? Ты Рутка?

Ягодница глядела на него по-прежнему со страхом, повторяя вполголоса:

— Ой, чур меня, чур меня!

С минуту Чур стоял в раздумье, потом не торопясь достал из сумки овсяный колобок и осторожно бросил на колени девушке. А овсяный колобок, испеченный женщиной, это уже не шиш болотный, не леший, не дух лесной. С незапамятных времен он верный спутник человека в близких и дальних походах, на работе, на промысле. Этот пресный круглый хлебец до надобности держали под одеждой, возле бока. Коло бока, как говорили в старину. И вот этот озорной чародей колобок вновь, уж который раз, творил свое доброе дело. Исподлобья взглянув на Чура, девушка бережно взяла колобок. Он был еще совсем мягкий, этот колобок, от него шел чудесный и родной запах липового меда, хмеля и пихтовых веток, которыми Кокшага подметала горячие подпечки перед тем, как посовать туда колобки. И

снова глянула на Чура. «Нет, это не оборотень, не шиш лесной, и совсем не леший, а человек, только не нашего роду-племени!» А он, этот лесной дух, не глядя на девушку, начал быстро-быстро собирать с моховых кочек темно-красные ягоды и полными пригоршнями ссыпать в набирушку. Очень скоро он набрал ее до полна, поставил к ногам ягодницы и помахал рукой в сторону реки.

— Домой пора, пойдем вместе!

Не понимая речи, девушка сообразила, о чем говорит этот простодушный парень, уже вскинувший на свои плечи тяжелый кузов с ягодами. Ей оставалось только взять набирушку и идти следом за ним до реки. Когда вышли на берег, Чур обернулся, взглядом спрашивая, куда идти. И она пошла передом вверх по реке, по знакомой ей, чуть приметной тропе. На ходу она жевала овсяный колобок, изредка отламывая по кусочку для Уголька. Шли молча и быстро, и спелые желуди, опавшие с пожелтевших дубов, хрустели под их ногами.

Потом на солнечном крутояре присели отдохнуть. Она глядела теперь на Чура совсем без страха, оглядывала его с любопытством с ног до головы. А колобок с запахом пихты оказался таким вкусным и сытным, какие пекли в ее доме только по праздникам. Девушка гладила рукой Уголька, молча разглядывая Чура. Тут он, показывая на нее пальцем, спросил:

— Ты Рутка, да?

Но девушка, не зная его языка, не вдруг поняла, о чем ее спрашивают. Тогда он указал на себя:

— Я Чур, сын Черкана и Кокшаги. А ты Рутка?

И при последнем слове опять указал на нее рукой. Теперь и она начинала понимать и тряхнула головой:

— Нет, я Устинья. Устя, Устя!

Тут широко улыбнулся Чур:

— Так ты Устя? Устя — это хорошо! А я Чур! Чур!

И каждый раз показывал себе на грудь. И она поняла, что Чур это его имя. Не имя лесного бога, именем которого она чуралась от злых шишей и леших, а вот этот добрый увалень с черными глазами и бровями, чуть скуластый и приземистый.

После такого объяснения они снова тронулись в путь, Устя впереди, а Чур за ней, а там, где позволяла тропинка, шли рука об руку, изредка спрашивая друг друга, каждый по-своему:

— Так ты Устя, да? Это хорошо!

— Да, я Устя. А ты Чур? Это ладно!

И обоим было радостно, хотя говорили по-разному, и кузовок с ягодами совсем не казался тяжелым, а путь незаметно подходил к концу.

Берега Дикой реки здесь были еще выше и поднимались над ней крутыми глинистыми обрывами, а хвойный лес перемежался лиственным и пустошами. Вот из-за одной излучины показались бревенчатые избы большого селения, а к нему от реки вилась по крутояру тропинка. Здесь девушка взяла у спутника кузов с ягодами, взвалила на свои плечи и, подхватив набирку, быстро пошла вверх по тропе к родному селу. Взобравшись на кручу, она сверху призывно помахала рукой, чтобы Чур следовал за ней, и пропала за берегом. И он не раздумывая пошел в селение русов.

Но медленно и осторожно подходил Чур к чужому поселку. Избы стояли в один ряд лицом к реке, а позади них чернели нежилые приземистые постройки. В конце селения впритык к лесистому берегу высилось одинокое строение с несколькими крышами, одна другой выше, с тесовым шатром над самым высоким срубом. А на вершине шатра странное изображение из дерева. Вот из одной избы вышли люди, а с ними и она, его первая знакомая в этом крае. Незнакомые люди, старые и молодые, мужчины и женщины, высыпали из домов, окружили Чура и с любопытством разглядывали нежданного гостя, его одежду и оружие и Уголька, прижавшегося к ноге хозяина.

Пока люди на него дивились, острый глаз Чура успел заметить, что все они тоже носили амулеты, подвешенные на шнуре через шею. Эти штучки из желтого и белого металла похожи были на летящего жучка. У одного толстого старика, одетого в длинную черную одежду, большой такой амулет болтался на груди поверх одежды. Этот старик появился из избы, стоявшей вплотную с большим странным домом под островерхой крышей, и сразу не понравился Чуру своей тучностью и недобрим взглядом.

Люди долго слушали рассказ Усти. По тому как она живо говорила, всплескивая руками и поглядывая на Чура, он понял, что она рассказывает о нечаянной встрече в лесу и как она испугалась. Вдоволь наглядевшись, люди разбрелись по домам, а отец и братья Усти позвали Чура в свою избу, посадили за стол на широкую скамью, а старая женщина, мать Усти, подала ужин. Но прежде чем сесть за стол, все стали лицом в передний угол, помахали перед собой руками и покивали головами, словно кланяясь кому-то невидимому. Для Чура это было в диковинку и занятно, он оглянулся в тот угол, но в сумраке ничего не увидел. После еды, поднявшись из-за стола, все опять помахали перед носом руками и покивали головами. Чтобы угодить хозяевам за добрый ужин, Чур тоже хотел повторить за всеми то же самое, но Устя легонько ударила его по руке и покрутила головой: «Не надо!» Потом она принесла сноп свежей соломы и постелила гостю постель на мужской половине избы, где спали отец и братья.

Утром за завтраком Чур опять спросил девушку: «Ты Устя?» И когда та повторила свое имя, он переспросил всех ее семейных и запомнил их имена. Всей семье русов Чур пришлось по душе своей смелой простотой и бесхитростным нравом, а старая женщина не забыла накормить и его собаку. Потом каждый взялся за свое дело. Пока Устя просеивала на ветру ягоды, очищая их от лесных былинки и моховинки, Чур сидел на завалинке избы и глядел, как она работает. И все казалось ему, что эта девушка очень похожа на Рутку, дочь Ширмака, только станом повыше да волосом посветлее.

Не один день Чур прожил в новой семье. Братьев он научил делать отличные легкие лыжи и ставить западни на зверей, отцу показал, как плести из лыка крепкую и удобную обувь, какую носят люди его племени, а матери помогал во всех ее нелегких делах по хозяйству. И от всех, а больше всего от Усти перенимал их родную речь и обычаи. Он уже знал, что амулеты, которые русы носят на шее, они называют крестами, а большой дом под высокой крышей служит местом, где эти люди задабривают своего бога и просят у него удачи в разных делах.

За ночь выпал настоящий зимний снег, сухой, скрипучий. Утро народилось ясное и морозное, и все сверкало под солнышком. Большой угрюмый дом с крестом под островерхой крышей и тот глядел веселее. Никто из людей еще не прошел по заснеженной улице, только от одной избы уходил одинокий след человека вниз по Дикой реке. Это охотник Чур вышел на промысел в свое урочище, к земляному жилью на крутом берегу. Старая женщина напекла ему в дорогу колобков и помахала вслед рукой, а Устя звонко с крыльца: «Опять приходи!» Скрипит под ногами снежок. Кремневый скребок и медвежий клык в кожаном мешочке на груди чуть слышно стучат друг о друга, предвещая удачную охоту. А черный пес Уголек на синеватом снегу казался чернее самого черного угля.

4

Землянка на Дикой реке встретила Чура поздним вечером. Огонь очага обсушил и согрел одежду, а лежанка в нише стены показалась ему уютнее и теплее любой постели под крышей деревянного дома. Он поднялся с рассветом и отправился в обход по своим охотничьим тропам. Много дней с темна до темна, не зная усталости, стрелой, западнями и самострелами Чур добывал пушных зверей — куниц, горностаев, норок, белок и соболей, умело расправлял и сушил их дорогие шкурки. И когда мехов накопилось столько, что с трудом убирались в мешок, пошел к родному племени. К той поре накрепко замерзли реки и болота, он шел, сокращая путь, и вернулся домой вовремя. Две старшие сестры уже

оставили мать и родной дом и ушли за мужьями, только младшая жила еще с матерью, но и она собиралась уходить в другую семью.

В тот же день Кокшага отнесла все меха богатею Ширмаку, чтобы рассчитаться с долгами и задобрить на будущее. Старик обрадовался и удивился. Он ощупывал каждую шкурку руками и алчными глазами, встряхивал, расправлял и раскладывал меха по сортам, прикидывая в уме, как много получит он разного товара, когда по Большой реке приплывут люди выменивать у его племени мед и меха. Но когда Кокшага спросила, не отпустит ли он свою дочку Рутку на житье в ее дом, Ширмак ответил, что пусть она подождет до той поры, когда ее сын научится умело распоряжаться всем, что посылают ему добрые духи. А он, Ширмак, будет давать ей все, что нужно для жизни, пока сын пропадает в лесу. При этом старый скряга не заметил, как сердито поглядела на него из темного угла дочка Рутка. А Кокшага ушла с такой думой: «Вот как! Этот жестокий скряга вспомнил добрых духов! Уж кто-кто, а она, мать Кокшага, знает, кто посылает удачу за удачей ее сыну! Нет, не напрасно повесила ему на грудь подарок хозяйки Дикой реки!»

А дома она бранила Ширмака вслух. Ведь из всего племени только Чур так добычлив, уходит надолго и далеко и приносит целые вороха дорогих мехов! Видно, этот старый хрыч задумал без конца пользоваться добычей ее сына!

В этот вечер Кокшага опять помогла сыну собраться в далекий путь, и через два дня он уже ночевал в землянке на Дикой реке. В первый же день он обошел и проверил все западни, силки и самострелы, забрал добычу и снова насторожил на свежих тропах. Потом ходил с Угольком по звериным следам, добывал куниц и соболей стрелой из лука. Стояли морозы, какие бывают, когда солнышко только в полдень нехотя и недолго оглядывает заснеженную землю, выглядывая из-за леса. По вечерам Чур жарко натапливал очажок, и землянка все больше просыхала, стены ее согрелись, а от еловых корней, оплетающих потолок, исходил приятный смолистый запах.

Одним вечером, сидя перед очагом, он достал из-за одежды мешочек с амулетом и долго разглядывал каменный скребок и рисунки на нем. При неровном свете пылающего очага изображение женщины словно оживало, а лисица казалась совсем огненно-рыжей. Чур попробовал скоблить им древко копья и рукоять топора, и получалось не хуже, чем железным ножом. От очага камень нагрелся, и когда Чур сунул его в мешочек и спрятал под одежду, он приятно согревал грудь. Тут сын Кокшаги стал дремать и грезить: «Завтра пойду к русам!» Когда в очаге прогорели дрова, он заснул на лежанке, укрывшись одеждой. И, засыпая, опять грезил будущим днем: «Утром пойду к Усте!»

А в конце ночи в землянку заглянула хозяйка Дикой реки. Теперь она похожа была на Устю и держала в руке берестяную набирушку со спелыми красными ягодами. Она смело перешагнула спящего у входа Уголька, с тихим напевом подошла к лежанке и высыпала на ноги Чура ворох ягод, которые с шумом раскатились по землянке. Тут Чур проснулся, а Уголек наострил уши. «С потолка земля упала», — подумал Чур и заснул до рассвета. Хозяйка Дикой реки ему больше не снилась и не будила. И только при свете дня он разглядел в обсыпавшейся земле россыпь большого ожерелья из бусин разной величины, полупрозрачных, цвета позднего меда, а среди них две пары голубоватых сережек. «Это бусы и кержи для Усти», — подумал Чур и, бережно очистив каждую бусинку, сложил на дно охотничьей сумки. Ему не хотелось оставлять в землянке добытые за неделю меха, и поместил их в походный мешок, а самые дорогие в сумку. Потом наглухо закрыл дверь землянки и пошел уже знакомыми тропами вверх по Дикой реке.

Ночь застала Чура на середине пути, но старая ель и костер из сухих кряжей помогли ему дожждаться утра. Остаток пути он шел по льду Дикой реки спорой походкой, а иногда и трусцой, прижимая к груди мешочек со скребком и клыком. И после полудня уже был в селении русов. Семья Усти встретила его радостно, а соседи заходили с приветливым словом. Сначала Чур выложил из сумки меха, а потом вытряхнул бусины ожерелья. Потом разыскал в ворохе бусин две пары продолговатых голубых камней и отдельно подал девушке.

— Ах, это сережки! — обрадовалась Устя и приложила по камешку к каждому уху, показывая, как будут к лицу ей эти серьги.

— Это кержи! — по-своему сказал Чур. — Бусы и кержи хозяйки Дикой реки!

Бусины были тут же нанизаны на шнурок и обняли шею девушки тяжелым красивым ожерельем. И все были очень довольны и радостны, и мужчины и женщины. Но тут в избу вошел старик с крестом поверх длинной одежды. Его маленькие глазки сразу разглядели шкурки, вытряхнутые из кожаной сумки. Он молча их переглядел, перещупал, сложил аккуратно и спрятал под одеждой. Тут Чур возмутился и сердито сказал:

— Не трогай, это мое!

Но отец и братья растолковали ему, что все, что облубует этот старик, отбирать у него не принято, потому что он хозяин большого божьего дома. И Чур согласился, но обида его на старика не потухла. И когда этот длинноволосый хозяин божьего дома начал было допытываться, откуда взялись ожерелье и сережки, нехотя сказал, что это подарок Усте от его матки Кокшаги. И замолчал.

В этот раз Чур надумал остаться в селе до конца зимы. Он уже начинал понимать речь русов и говорить на их языке и скоро привык ко всем жителям. Как люди его племени, русы жили в деревянных избах с маленькими оконцами и большими глинобитными печами. Осенью они выжигали и раскорчевывали лесные поляны, а весной сеяли на них разное жито, лен и просо. Все держали скот и запасали для него на зиму сено. И между важными летними работами успевали еще обхаживать лесных диких пчел, собирать мед и воск и оборонять эти ульи-бортки от косолапых сладников-медведей. А глубокой осенью и зимой опять каждый брался за свое ремесло: гнули колесные ободья, делали сани, выкуривали смолу и деготь, мастерили и обжигали глиняную посуду, добывали в лесу дичину, а в реке рыбу. А женщины пряли пряжу и ткали льняные холсты-полотна. Все, как в родном его племени, в низовьях двух больших рек.

Зато здесь никто лучше Чура не стрелял из лука, никто так быстро не ходил на лыжах. Только он умел так искусно настораживать западни-самоловы и луки-самострелы на зверей и больше всех добывал дорогих мехов. Но русы были люди не завистливые и, не считая охоту средством к жизни, искусству его дивились, а удачами восхищались. И семья Усти, и все другие жители селения были с ним добрыми и честными. Только один раз заметил Чур, что по его лесным тропам и урочищам кто-то ходит из селения и уносит из западней самую ценную добычу. Но не зря он был сыном догадливой Кокшаги и следопыта Черкана и давно научился узнавать человека по следу, не столько по величине и форме следа, сколь по походке. Стоило ему пройти несколько шагов, ступая точно в след неизвестного человека, как в его представлении возникала походка этого незнакомца.

Так и в этот раз Чур пошел, ступая строго след в след, наблюдая за собой: он шел теперь, как слегка косолапый человек, неловкой и грузной походкой, раскачиваясь, как утица. И остановился, раздумывая: «Чья же это походка? Кто из селения русов ходит так в развалку и ставит ступни пальцами слегка внутрь следа?» И вдруг вспомнил: «Это он! Надо проучить эту двуногую росомаху!» В тот же час Чур насторожил на своем следу у куньей ловушки нетолстую сосновую лесинку-жердь. Стоило вору невзначай тронуть ногой волосяной шнур и спустить сторожок, как эта жердь обрушивалась ему на шею. Он нарочно выбрал такую жердь, чтобы не придавила вора, а только больно ударила по шее. Не прошло и недели, как жадный старик из божьего дома стал ходить сгорбившись, по-волчьи, глядеть исподлобья, словно шея его совсем не гнулась. С той поры никто не ходил по тропам и урочищам Чура и никто не тревожил его западни и самострелы.

После первой половины зимы налетели на Дикую реку метели, навалило много снега, и промысел пошел вяло. Зато у русов началась веселая пора, одни за другим пошли праздники. По утрам люди толпами и вереницами ходили в большой дом, где жгли восковые палочки и кланялись и кланялись, крутя правой рукой вокруг своего носа, либо размашисто стучали себя по плечам, животу и по лбу. Для Чура все это было диковинно, интересно, но в большой дом он не заходил, а наблюдал сквозь открытые двери и окна. От

безделья и праздников жизнь в поселке для него вдруг поскучилась, и он засобирился домой, к матке Кокшаге. Но Устя, проведав о том, шепнула ему:

— А зачем тебе уходить? Ведь ты сам говорил, что там тебя никто не ждет!

А отец и братья девушки сказали:

— Оставайся с нами. Мы построим тебе просторную избу из самых толстых бревен, и ты будешь жить в нем вместе с Устей. Ты смекалистый и добрый парень, и мы охотно тебе во всем поможем.

И Чур согласился, но с уговором, что мать Кокшага будет жить с ним. Потом семейные Усти, посоветовавшись между собой, решили поговорить с отцом Никодимом, хозяином божьего дома. Из их разговора Чур понял, что если с этим стариком не сговориться, то он может причинить много зла. Тут он ощупал на груди кожаный мешочек и усмехнулся: «Не так-то легко и просто кому бы то ни было поспорить с волей хозяйки Дикой реки и наговорами его матки Кокшаги!»

Позвали в свою избу и посадили за стол хозяина божьего дома и долго всякой всячиной угощали. Он сказал, что можно оставить Чура в семье русов навсегда, но надо сначала его окрестить. Чур понял, что для этого ему придется искупаться в речной полынье и трижды окунуться с головой, пока старик бормочет над ним свои заклинания и наговоры. За это он, Чур, должен будет отдать старику все меха, что добыл на Дикой реке, а Устя подаренное ей ожерелье и серьги. После этого их обвенчают в божьем доме. Так понял Чур. И сказал, что он готов искупаться в полынье хоть пять, хоть десять раз, но не понимает, за что он должен отдать с таким трудом добытые меха? Не за то ли, что будет купаться зимой в реке на потеху всем русам? На это ему сказали, что так надо, так велит их бог.

И в день крещения все пошли к реке. Когда Чуру объяснили, что надо делать, он быстро разделся и, придерживая рукой мешочек с амулетом, нырнул в полынью. И три раза погружался в воду с головой, пока хозяин божьего дома говорил непонятные слова. После того он выбрался из полыньи, оделся, и все ушли в избу. Там этот старик, отец Никодим, украдкой сверкнув на Чура недобрый взглядом, строго спросил:

— А научили ли вы этого парня молиться и креститься? — И поднес к его лицу свой тяжелый медный амулет. Чур не знал, что делать, и стоял в недоумении. Тут Устя показала ему, как надо перекреститься и приложиться губами к медному кресту. За ней все это повторил и Чур.

— Вот хорошо! — сказал старик. — А теперь сбрось свои побрякушки и надень святой крест, как христианин.

И подал медный крестик на шнурке, какие носили все русы. Чур с готовностью распахнул одежду и хотел повесить крест рядом с кожаным мешочком. Но хозяин божьего дома рассердился:

— Свой мешочек брось в огонь, а крест носи! Только тогда тебе позволят жить в одном доме с крещеным народом. Нельзя, грешно носить божий крест с разными бесовскими побрякушками!

Вслед за попом то же самое повторили родные Усти. Чур понял, чего от него требует хозяин божьего дома, взглянул на него и встретился с тяжелым и хитрым взглядом. Тут он отступил от попа на два шага, словно собираясь с ним биться или поддеть на рогатину:

— Э, нет! Никогда не сниму я со своей груди того, что повесила matka Кокшага! Ни в огонь, ни в воду не брошу подарка хозяйки Дикой реки!

Потом швырнул старику медный крестик, заправил под одежду свой амулет и застегнул ворот рубахи. Родные Усти уговаривали его послушаться старика и сделать все, что он требует. На это Чур ответил, что он вовсе не против того, чтобы жить так, как они, согласен ходить с ними в большой дом помахать правой рукой и кланяться их богам, держа в левой руке восковую палочку. И целовать этот большой медный крест и быть во всем таким, как русы. Но он не согласен бросить в огонь мешочек с клыком медведя, которого отец заколол в свой смертный час, с кремневым скребком хозяйки Дикой реки, подвешенный ему на грудь родной маткой Кокшагой для удачи и счастья, против бед и

хворобы! Не хватит ли с этого старика того, что он забирает все его меха, добычу за целую зиму и отбирает у девушки последние бусы и кержи!

После этого Чур замолчал, не поддавался уговорам и был тверд в своем упорстве, как наконечник стрелы. А хозяин божьего дома перед уходом сказал, что чем скорее этот дикарь уберется из селения, тем лучше для родных Усти и всех, кто за него заступается. Но не глядя на угрозы попа, никто не поторопил Чура уходить из поселка, и он жил в семье Усти как родной сын до той поры, как сам вдруг надумал идти в родной край. Наверное, это хозяйка Дикой реки позаботилась послать на помощь ему раннюю и дружную весну. За одну неделю потемнел и огрубел снег, затенькала капель, запели первые ручейки, а лед на реке приподнялся и посинел.

Русы провожали Чура как родного и на прощанье говорили:

— Опять приходи!

Мать Усти в то утро напекла мягких колобков, завернула их в чистую тряпочку и уложила в его охотничью сумку. Устя ушла за Чуром до самого крутояра, до той тропинки, по которой осенью впервые привела за собой этого парня. И было ей невесело, как в самый пасмурный и холодный осенний день. Она долго стояла на откосе реки и глядела вслед Чуру до того, как услышала зов отца:

— Устинья!

Тут Чур обернулся и последний раз помахал ей рукой. И пошел по льду вниз по Дикой реке. И в такт его шагам кремневый скребок и медвежий клык тихо стучали друг о друга.

С каждым шагом в родную сторону сердце Чура наливалось весной и радостью, а зима в поселке русов казалась чудным сном с нерадостным пробуждением. И все живое на его пути радовалось скорой весне. Черные пичужки в красных шапках дробно барабанили по сухим деревьям. Сохатые олени табунками нежились под солнышком среди боров. А тяжелые птицы с красными бровями и белой бородой по утрам напевали так самозабвенно, напропалую, что любую можно было запросто заколоть копьём или стрелой. Изредка попадался след, похожий на человеческий, в растрепанных лаптях. Это хозяин берлоги уходил со своего логова, подмоченный весенней водой. У землянки уже вытаяли все зимние следы и тропы, словно жил он тут только вчера. Здесь Чур передохнул, накормил Уголька, просушил лыжи и обувь и, выспавшись, утром снова тронулся в путь. Еще день и ночь — и он подходил к родному селению.

Чур издали приметил, что тропинка к дому Ширмака была еле приметна, не торнее, чем к дому Кокшаги. Откуда он мог знать, что после его ухода на промысел Рутка очень загрустила. Чтобы развлечься, она снова взялась за привороты. Встретившись с парнем, она шептала ему на ухо приветливое слово и незаметно задевала медвежьим коготком поближе к сердцу. Парни опять повалили на ее крыльцо как на праздник, и сидели, и дурачились, поджидая, не выйдет ли к ним дочка Ширмака. И стали для Рутки совсем постылыми, как холодная мокрая обувь на босую ногу. В середине зимы многие девушки облюбовали себе парней и ушли жить в новую семью, а Чур все не возвращался. Тут Рутка рассердилась. Нет, не на Чура, а на себя и своих родителей. Она прогнала от своего дома всех привороженных парней, разыскала приворотные медвежьи коготки и бросила их в печку. Потом, проплакавши целый день, отмахнувшись от родительских уговоров, собралась и ушла жить в избушку Кокшаги. И вот Чур, войдя в свою избу, радостно удивился:

— А, Рутка, ты здесь!

Он подал матери тяжелый мешок и кожаную сумку и стал раздеваться, а Рутка развешивала его одежду и обувь для просушки. На шее у нее было ожерелье, а в ушах кержи-сережки, те самые, что хранились в берестяной укладке Кокшаги.

Вот так богатею и скряге Ширмаку, голове всего племени, довелось породниться с Кокшагой, вдовой следопыта Черкана. Долго-долго потом не было между Волгой и Ветлугой смелее и славнее охотника Чура. Изредка ему снилась хозяйка Дикой реки и звала за собой, обещая удачу. Сердце охотника начинало биться тревожно и радостно, он

просыпался и уходил искать счастья на Дикую реку. А река не уставала отваливать пласты берега, открывая все новые диковинные вещички и сокровища: оружие, утварь, украшения. И каждый раз вместе с охотничьей добычей Чур приносил женщинам племени новые бусы, кольца и кержи. И прозвали ту реку рекой кержей.

Прошло много-много лет, и Дикая река, прокладывая среди лесных дебрей новые и новые пути-излучины, ушла от древних стоянок и обеднела сокровищами. И теперь уже редко-редко находят на Керженце наконечники для стрел, каменные скребки, бусы и сережки-кержи.

Сергей Афоншин «Сказы и сказки нижегородской земли»

Источник: <https://needlewoman.ru/articles/skazki-lesnogo-zavolzhya-afonshin.html>